Правопослушание как результат правовой аккультурации на юге России до революционных событий 1917 г. (по материалам истории осетинского народа)

ЧЕДЖЕЛОВ Сергей Русланович, профессор кафедры педагогики и психологии Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, доктор педагогических наук
362040, Россия, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46
E-mail: srchedgemov@mail.ru

Анализируется важнейший феномен права — послушание как результат правовой аккультурации на юге России до революционных событий 1917 г. (по материалам истории осетинского народа). Воссоздание подлинной истории развития государственно-правовых отношений является обязательным элементом в деле построения и упрочения основ правового государства и гражданского общества, основой успешного поступательного развития России как великой державы с учетом ее историко-правового наследия. Проблема эта имеет и большое образовательное значение, ибо новые поколения российских граждан должны сохранить традиции и духовные ценности своих предков, что немыслимо без постижения истории.

Целью работы является рассмотрение процесса взаимодействия институтов государства и права осетинского народа во взаимодействии с общероссийскими. Выявление и анализ социальных и криминологических особенностей миропонимания и законопонимания позволяют не только дополнить историю отечества анализом фактов регионального свойства, но и уточнить имеющиеся историографические подходы и в некоторых случаях избавиться от идеологических догм и стереотипов.

Послушание рассматривается на основе аналитических и обобщающих методов исследования нормативных и правовых документов. Это позволяет автору утверждать, что данный термин более емкий, нежели законопослушание, ибо в отличие от последнего предполагает стремление индивидов — физических (частных) лиц осознанно исполнять нормативные акты государства.

Выявлены особенности взаимодействия государственных и национальных институтов государства и права, взаимообусловленность государственно-правовой политики и основных элементов правовой культуры и подвергнут критике тезис, что Россия до революции 1917 г. была «тюрьмой народов». Автор приходит к выводу, что послушание обеспечивается путем осуществления государством правового образования народа, т. е. его правового обучения и воспитания. Это способствует модернизации Российского государства и права и укреплению идей гражданского общества.

Ключевые слова: закон, аккультурация, юг России, Осетия, обычное право, правовая культура, история государства и права.

Adherence to Law as a Result of Legal Acculturation in Southern Russia up to 1917 Year Revolutionary Events (on Materials of the Ossetian People)

S. R. CHEDGEMOV, professor at the North Ossetian State University, doctor of pedagogical sciences
46, Vatutin st., Vladikavkaz, Russia, 362040
E-mail: srchedgemov@mail.ru

This article analyzes the most important phenomenon of law - adherence to law, as a result of legal acculturation in southern Russia up to 1917 year revolutionary events (on materials of the Ossetian people). The re-establishment of genuine history of the development of State-legal relations is an

indispensable element in building and consolidating of the rule of law and civil society on the basis of successful sustainable development of Russia as a great power, given its historical and legal heritage. This problem has great educational value for the new generation of Russian citizens must preserve traditions and spiritual values of their ancestors, that is unthinkable without comprehension of history.

The aim of the work is the process of interaction between the institutes of State and law of the Ossetian people, in collaboration with employers. Identification and analysis of social and criminological especially Outlook and understanding of laws allow not only complement the history of fatherland's analysis of the facts of the region.

Adherence to law is considered on the basis of analytical and synthesis methods of research of normative and legal documents. This allows the author to claim that this term is more capacious than legality, because unlike the latter implies a conscious desire to individuals-individuals (private) individuals not only enforce laws under the threat of sanctions for non-compliance, but also informed pursuant to regulations of the State.

The author identifies peculiarities of interaction of State and national institutions of the State and law, the "intersectionality" of public-legal policy and fundamental elements of the legal culture and criticized the notion that Russia before revolution 1917 was "prison of the peoples". He finds that adherence to law is provided by the State of legal education of the people, i.e. it's the right education and training. This contributes to the modernization of the Russian State and law and strengthening civil society's ideas.

Keywords: law, acculturation, South Russia, Ossetia, customary law, legal culture, history of State and law.

DOI: 10.12737/article_59f067bee13cb1.34297334

Традиционная правовая культура народов юга России и ее взаимодействие с мировой правовой культурой являются важнейшей составляющей российской государственности. Под словосочетанием «юг России» нами понимается (до революционных событий 1917 г.) юг Российской империи, тогда единой и неделимой. Осетинский народ, проживающий на юге и севере Большого Кавказского хребта, в лице своих депутатов 1749—1752 гг., принятых императрицей Елизаветой Петровной, изъявил желание находиться в составе Российской империи, что и было узаконено условиями Кючук-Кайнарджийского мирного договора между Россией и Турцией¹.

На юге России проявляется так называемое цивилизационное противостояние между Западом и Восто-

ком, обострившееся в условиях глобального экономического кризиса. Вместе с тем правовая система России — уникальное явление, ибо она базируется на органическом синтезе восточной и западной правовых школ, причем многие современные проблемы развития государственно-правовых отношений не только уходят корнями в историческое прошлое, но и влияют на модернизацию Российского государства и права.

Предметом настоящего исследования является важный феномен правовой культуры, справедливо названный видным ученым в области теории права, бывшим председателем Конституционного Суда России профессором М. В. Баглаем «правопослушанием»². По нашему мнению, данный термин более емко, нежели «законопослушание», ибо в отличие от последнего предполагает осознанное стремление индивидов — физических (частных) лиц не только соблюдать законы под угрозой санкции за их нарушение, но и осознанно исполнять нормативные акты государства.

¹ См.: Чеджемов С. Р. Осетинские посольства и переговоры о вхождении Осетии в состав России в системе международного и внутригосударственного права // История государства и права. 2014. № 18. С. 9—14; Чеджемов С. Р. Кавказ для России: фронт-тир или союзник? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9. С. 1828—1832.

² См.: Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2011. С. 311.

В основополагающих документах международного права не раз высказывалось мнение, что наиболее приемлемой концепцией существования народов в многонациональном государстве является не «плавильный тигель» и не «салатница», а сад, в котором много цветов. В то же время ныне, по образному выражению Президента России В. В. Путина, «западный плавильный котел барахлит и чадит»³, но в погоне за часто иллюзорными демократическими ценностями создаются угрозы не только осуществлению и обеспечению общепринятых прав и свобод личности, но и всему нашему государству и обществу, поскольку «права и свободы человека не могут быть в полной мере реализованы без сильной политической власти, т. е. государства», на что обращал внимание еще в 2005 г. профессор В. Д. Зорькин⁴. Формирование гражданского общества обусловливается необходимостью учета сложившейся историко-правовой традиции и национально-региональных особенностей.

Важнейшим показателем правопослушания являются исполнение жителем страны своих обязанностей. Оно обеспечивается путем осуществления государством правового образования народа, т. е. его правового обучения и воспитания. В жизнедеятельности государства важное место занимают вопросы юридической (правовой) ответственности и профилактики правонарушений. Исследование вышеуказанных политико-правовых феноменов необходимо и для воссоздания неидеологизированной истории отечественного государства и права.

Анализ эволюции правовой и политической культуры народа России от традиции к аккультурации (на примере осетинского народа) позволяет выявить особенности взаимодей-

ствия государственных и национальных институтов государства и права. Это ретроспективное исследование имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, поскольку был накоплен определенный позитивный опыт в деле адаптации государственно-правовых институциональных форм и законодательных установлений к социальным, политическим, этническим и религиозным особенностям народов Кавказа.

Уже в XVI в. формируется система Российского государства и права. Она основывается на принципах взаимного уважения и сотрудничества, напрочь отрицавших малейшие намеки на геноцид, т. е. массовое физическое истребление государственно-образующей нацией иных народностей. Это мы считаем существенной особенностью генезиса отечественных государственно-правовых отношений и главным отличием Российской империи от иных государств, существовавших ранее.

Видный российский ученый-исследователь Кавказа М. М. Ковалевский справедливо отмечал: «К чести нашей политики надо сказать, что в сношениях с народностями, населяющими империю, мы никогда не обнаруживали той готовности ломать установленный у них веками строй, какой отличалась, например, английская политика в Индии... Русскую администрацию менее всего можно винить в непонимании или отрицании чужих религиозных, нравственных и правовых устоев»⁵.

Российское государство осуществляло внутреннюю и внешнюю политику, исходя из общего принципа, который очень верно подметил Н. А. Бердяев, — это принцип соборности, выражающийся в собирательстве народов и земель⁶. Эта политика осуществлялась на протяжении всей истории России повсеместно, в

³ URL: <http://www.putin 2012.ru>.

⁴ См.: Зорькин В. Д. Верховенство права и конституционное правосудие // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 31.

⁵ Ковалевский М. М. Современный бычай и древний закон. М., 1886. С. 266—289.

⁶ См.: Бердяев Н. А. О назначении человека // Мир философии. Ч. 2. М., 1991. С. 12.

том числе на Кавказе. Принцип является притягательным для сопредельных народов задолго до их официального присоединения к России.

Вышеизложенное хорошо иллюстрируется на примере деятельности видных российских государственных деятелей, таких как граф Н. С. Мордвинов (1754—1845). Политический оппонент Ермолова, его жесткого курса, он предлагал несколько иной вариант умиротворения Кавказа, который, с позиций сегодняшнего дня, можно назвать «мягкой силой». Мордвинов прошел все ступени службы на военном флоте. В 1799 г. он получил звание адмирала и в 1802 г. при формировании первого российского совета министров получил должность морского министра Российской империи.

В докладной записке на имя императора Александра I, написанной в 1816 г., граф Мордвинов изложил собственное видение решения проблемы установления мира на Кавказе, доказывая необходимость применения не только карательных мер. Он предлагал использовать такие обычаи горцев, как, например, гостеприимство, куначество, побратимство, и считал разумным «сею всеобщую добродетельностью воспользоваться и привязать к себе оную всех родоначальников, чиновников и старшин семейств»⁷.

Н. С. Мордвиновым была разработана концепция взаимодействия российской администрации на Кавказе с местными народами. Он отмечал: «Дабы успешнее действовать на нравы их (горцев Кавказа) и водворить между ними понятия и обычаи нации, полезно было бы завести в городах наших школы для воспитания молодых князей и детей старшин народных и сии училища устроить так, чтобы в оных находили они свои обряды. Некоторых привлечь из них в Санкт-Петербург, составить из них гвардейский кавказ-

ский отряд с ограничением службы их на четыре года»⁸. Следует отметить, что предложения эти впоследствии были реализованы в виде так называемой дикой дивизии, сыгравшей положительную роль на фронтах Первой мировой войны.

Политико-правовые мероприятия российской администрации на южных окраинах империи правовоспитательного характера осуществлялись в виде административных и уголовных наказаний. Здесь наблюдалась определенная тенденция попытаться путем малого наказания предотвращать более серьезные. Эти мероприятия инициировались не только представителями российской администрации, но и самими горцами.

Так, согласно осетинской правовой традиции каждое осетинское общество — тир, община, по-осетински «хъаубаста» — имело собственный орган управления — «ныхас», мужское собрание. Как верно отмечал Е. Л. Марков, ныхас «заменял собою все государственное устройство, суды и законы»⁹, т. е. он олицетворял высший орган власти и суда. Это был своеобразный аналог древнегреческого ареопага или новгородского вече. Решения ныхаса обеспечивались силой авторитета, в основном ненасильственного. Но в определенных случаях ныхас мог применить и санкции от лица общества, например изгнать провинившегося за пределы общины, поразить его в правах и т. д.

Нам представляется, что выражением высшей меры наказания члена осетинской общины со стороны ныхаса было его изгнание. Применения смертной казни по приговору ныхаса, как и вынесения смертного приговора, Осетия не знала. Образ «собачьей скалы», с которой сбрасывали преступников, запечатленный художником М. Тугановым, не ха-

⁸ Архив графов Мордвиновых. Т. 5. С. 152.

⁹ Марков Е. Л. Очерки истории Кавказа. СПб.; М., 1904.

⁷ Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 5. С. 152.

рактеризует практику исполнения наказаний по приговору ныхаса в до-революционной Осетии. По данной проблеме нам удалось выявить весьма интересное свидетельство одного из патриархов осетинской интеллигенции XIX в. С. К. Гадиева (1850—1915). В его рассказе «Азау», переведенном на русский язык нашим современником А. Дзантиевым, описывается судебный процесс конца XVIII в., проходивший в селении Ганис Кудского ущелья современной Южной Осетии.

Там «долго спорили о том, какое наказание вынести провинившимся (речь шла о похищении невесты и последовавшей перестрелке, во время которой были убиты по пять человек с каждой стороны. — *Прим. С. Ч.*) Одни требовали забросать их камнями (в преступника каждый бросал по камню. — *Прим. С. Гадиева*), другие — убить, третьи — предать всеобщему проклятию, хьоды. Тогда поднялся с места старый Мистала и сказал:

— Да пребудет с вами мир, добрые люди!

Притихли собравшиеся. Муха бы пролетела, и ту можно было услышать.

— Все мы один народ, одна семья. Из пальцев руки, какой ни отрежешь, будет одинаково больно. Не властны мы над нашей жизнью, не властны и над смертью. Жизнь и смерть в руках Бога. Убьем мы виновных. Только Бога разгневаем, а сами брата и сестры лишимся. Лучше, добрые люди, предадим их проклятию, хьоды. У Боба (отца невесты, не выполнившего обещание внутриутробной помолвки. — *Прим. С. Ч.*) быка зарежем, мост наш разрушился, и возьмемся его всем миром чинить, а потом тем быком подкрепимся»¹⁰.

Решения, принимаемые на ныхасе, как правило, были заранее обсуждены старейшинами фамилий. Фактически на нем лишь оглаша-

ли заранее принятое решение. Этот сущностный момент в работе ныхасов подметил еще в конце XIX в. известный правовед М. М. Ковалевский, писавший, что «ныхасы ничего не решают, не отбрав предварительно мнения стариков»¹¹.

Деятельность осетинского ныхаса была узаконена и регламентирована изданным в 1870 г. «Положением о сельских (аульных) обществах»¹². Положение, по сути, отразило основные представления о ныхасе, освятило его авторитетом российского законодательства. На примере обычного права осетин не подтверждается тезис С. Б. Зинковского, что традиционное право воспринимается населением, как «свое» в сравнении с «внешним» законодательством¹³.

Это обстоятельство в начале XX в. отмечал видный представитель осетинской интеллигенции М. С. Туганов: «При нормальном положении “адат” (обычай), как элемент низший, незаметным образом должен был уступить место “закону”, лежащему твердо на весах справедливости. Русский закон должен был явиться для горцев со всей их темнотой горнилом очищения для приобщения их к русской культуре»¹⁴.

В середине XIX в. адаты горцев Кавказа благодаря русской администрации и усилиям представителей местной интеллигенции, состоящей в том числе из представителей горцев, стали письменными источниками права. Они четко регламентировали уголовную и гражданско-правовую ответственность, регламентировали дела в случаях совершения уголовных преступлений, наследования имущества и имущества, разде-

¹¹ Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 85.

¹² Положение о сельских (аульных) обществах. Владикавказ, 1870.

¹³ См.: Зинковский С. Б. Межкультурное взаимодействие и структурные конфликты в праве // Актуальные проблемы современного международного права. М., 2009. С. 342.

¹⁴ Туганов М. С. Осетины в войне и в тылу // Петроградские ведомости. 1916. № 72.

¹⁰ Гадиев С. Азау // Антология осетинской прозы. Орджоникидзе, 1984. С. 59.

ла военной добычи, развода и раздела имущества в семье, иных споров между заимодавцем и должником и т. д.

Адаты осетин были обнародованы и одобрены старейшинами осетинских селений на специальном всеосетинском собрании старейшин. Это: «Адаты осетин 1836 года», «Сведения об адате и суде осетин 1844 года», «Древние обряды дигорского общества 1844 года», «Выписка о правах и обычаях жителей Владикавказского округа 1849 года», «Описание вредных народных обычаев, существовавших в туземных племенах военно-осетинского округа 1856 года», «Циркуляр начальника Осетинского округа, полковника Муссы Кундухова, относительно кровной мести и некоторых других вредных обычаев»¹⁵.

Эти документы в целом отражали систему осетинского обычного права. Если в начале XIX в. судоустройство народов Кавказа, в частности осетин, М. М. Ковалевский характеризует как едва зарождающееся учреждение, постановления которого лишены еще той санкции, какая в последующую эпоху вызывает беспрекословное подчинение ей тяжущихся (судящихся. — Прим. С. Ч.) сторон, то к концу века их роль возрастает и принятые ими решения становятся обязательными для исполнения. Сопоставляя институт посредничества в судебных разбирательствах у различных народов, ученый подчеркивал, что посредничество осуществляется исключительно членами учено-религиозного сословия¹⁶.

Заочные решения на этих судах не принимались, что делало их заседания суда и выносимые приговоры своеобразным показательно-воспитательным мероприятием. М. М. Ковалевскому удалось выявить общие и особенные черты посреднического суда у русских и осетин. У этих народов суд ничего не имел общего со

сходами. Осетинский суд по обычному праву (адату) мог рассматривать только те дела, которые затрагивали интересы различных родов.

В материалах судебных разбирательств тех лет было мало письменных доказательств. Основными были свидетельские показания и собственное признание подсудимого и присяга сторон. В качестве средства установления достоверности осетинский третейский суд также широко использовал ордалии — судебный поединок либо жребий. Одним из наиболее распространенных судебных испытаний было «стать под выстрел».

Право стрелять в обвиняемого в убийстве доставалось по жребию одному из представителей рода истца, причем по обычному праву осетин к участию в жребии допускались и несовершеннолетние. Это было результатом веры в божественное провидение, только ему одному, как считали осетины, был подвластен случай. Данный обычай при кажущейся на первый взгляд несуразности в те годы представлял собой одно из действенных средств, способствовавших прекращению кровной мести, так как разрешал сложившуюся юридическую практику, выраженную в пословице «Должник крови и ищущий кровомщения равны при встрече»¹⁷.

Является ли обычай «стать под выстрел» видом судебного поединка? М. М. Ковалевский проводил аналогию между ним и американской дуэлью, когда по жребию один из участников мог покончить жизнь самоубийством, заряжая в барабан револьвера одну пулю и перед выстрелом прокручивая его. Несколько позднее этот обычай стал именоваться русской рулеткой.

Присяга у осетин, как и у иных народов, заключалась не столько в произнесении в клятвенной форме обещания говорить правду и призыве Бога в свидетели своей право-

¹⁵ Адаты кавказских горцев. Одесса, 1886.

¹⁶ См.: Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 200.

¹⁷ См.: Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 229.

ты, сколько в испытании веры человека в божеское наказание за неправду. Присягу у осетин принимали не только истец и ответчик, но и свидетели, поручители. Законодатель осетинского общества тех лет не знал юридических обобщений, в том числе такого понятия, как мера пресечения, и выявления его абстрактных целей. Поэтому цель наказания он определял как возмездие за преступление. Фактически действовал принцип талиона, основанный на адекватном возмездии и даже в большей мере причинении вреда, чем было нанесено.

Общей чертой осетинского обычного права и обычного права иных народов было отсутствие отличия между гражданской и уголовной ответственностью — преступление понималось только как причиненный вред. Правонарушение и преступление в обычном праве не разделялись, и виновный должен был прежде всего восполнить материальные издержки, если даже издержки истца не связаны с имущественным ущербом.

В конце XIX в. в осетинском обществе на смену отправлению судопроизводства по обычному праву приходят суды мировые и с участием присяжных заседателей. Деятельность судебных учреждений на юге России стала предметом исследования видных ученых-юристов Н. М. Агишева, В. Д. Бушена и Н. М. Рейнке, отмечавших, что в 1871 г. «спустя один год после учреждения горских словесных судов, территория Осетия была выведена из юрисдикции горских словесных под предлогом того, что большинство Владикавказского округа исповедует православную веру»¹⁸.

В силу этого мы считаем, что вышеназванные авторы не совсем правы и в целом следует говорить о параллельном существовании в Осетии мировых и горских словесных судов.

Так, особенностью мировых судов в России было то, что их компетенция не распространялась на территории, где действовали духовные, военные, коммерческие, крестьянские и иноподобные суды. Это обстоятельство затрудняло деятельность мировых судов на национальных окраинах России, к которым, естественно, относилась и Осетия.

Как и на большей части европейской территории Российской империи, где стали действовать суды с участием присяжных заседателей, в Осетии наметилась острая нехватка не только судебных кадров, но и защитников и обвинителей¹⁹. Устав уголовного судопроизводства и Устав гражданского судопроизводства стали правовой основой деятельности судов, где учреждались должности прокуроров, в их обязанности входила поддержка обвинения, и адвокатов — присяжных поверенных, задачей которых была защита подсудимого в уголовном процессе.

Анализ архивных источников показывает, что суды присяжных заседателей на территории большинства современных республик и областей Северного Кавказа функционировали лишь в небольшой части, населенной кавказскими горцами. Здесь мы считаем уместным привести мнение дореволюционного историка отечественного государства и права, профессора юридического факультета Новороссийского университета В. М. Грабовского. Он отмечал, что дела, требующие при их обсуждении ясного представления о государственном строе, о задачах и целях государства в соответствии и судебными уставами 1864 г., передавались судебным палатам с участием сословных представителей²⁰.

¹⁹ См.: Отчет судебной палаты за 1870 год // ЦГА РСФСР — Алаания. Ф. 12. Оп. 1Д. 427. Л. 107—108.

²⁰ См.: Грабовский В. М. Государственное устройство и управление Российской империей // Записки Новороссийского университета. Одесса, 1911. Вып. IV. С. 165.

¹⁸ Агишев Н. М., Бушен В. Д., Рейнке Н. М. Материалы по обозрению Горского и народного суда Кавказского края. СПб., 1912. С. 141.

Фактически дела о потере или ограничении прав на имущество были в компетенции судов с участием присяжных заседателей, которые действовали и на отмеченных выше территориях. Но различные категории населения воспринимали их по-разному. Представители интеллигентских групп населения их приветствовали, а для основной крестьянской массы они представлялись непонятной и неэффективной бюрократической машиной по сравнению с ранее действующим горским словесным судом.

В условиях жизни народов Кавказа XIX в. суды как органы государственной власти играли важную роль в составлении представлений человека о правовой культуре. М. С. Туганов отмечал взаимосвязь обычного и государственного права: «Как ни были дики горцы, но веками выкованный суровый “адат” их рельефно обрисовывал каждую деталь обычного права.

Он представлял из себя ту башню в жизни их, где каждый камень положен был в строго определенное место; племена гор, имея у себя этот единственный железный кодекс, ревниво охраняли его, как святыню»²¹. Данное обстоятельство составляет одну из политико-правовых особенностей развития институтов государства права в Осетии в целом и формирования правопослушания в частности.

Уровень правопослушания народов юга России характеризует и их отношение к уплате налогов и сборов. Применительно к народам Кавказа в XIX в. налоговые отношения между жителями страны и государством имели важное политико-правовое значение, и это хорошо иллюстрируется на примере рассуждения великого князя Михаила Николаевича, наместника государя-императора на Кавказе и главнокомандующего Кавказской Армией.

²¹ Туганов М. С. Заколдованный круг // Новая Русь. 1910. № 62.

В тексте всеподданнейшего отчета по военно-народному управлению Кавказом за 1863—1869 гг. он отмечал, что уплата податей есть прямое выражение не «номинального и пассивного, а действительного выражения покорности подданного правительству»²².

Обязанности человека имеют естественное происхождение, поскольку вытекают не из факта гражданства, а из естественного сочленства индивида в обществе, в котором только и возможно его становление как личности», — отмечает профессор Б. С. Эбзеев²³. Как показывает статистика тех лет, обязанность платить налоги в целом исполнялась не хуже, чем в центральных регионах страны. Так, осетины облагались податной податью. Кроме того, за счет осетинских обществ уже в середине XIX в. содержалась стратегическая Военно-осетинская дорога, и осетины, единственные тогда из народов Северного Кавказа, стали призываться на действительную военную службу и т. д.²⁴

Резюмируя вышеизложенное, полагаем, что на основе политико-правового анализа отдельных моментов истории Российского государства и права необходимо сделать достойным широкой общественности тот факт, что Россия никогда не была «тюрьмой» ни для какого народа.

Обозначая значимость деидеологизации отечественной истории, следует иметь в виду, что она не исчерпывается определенной тенденциозностью, имевшейся только в годы Советской вла-

²² Всеподданнейший отчет Главнокомандующего Кавказскою армией по Военно-народному управлению за 1863—1869 гг. СПб., 1870. С. 49.

²³ См.: Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 285.

²⁴ См.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1837. Т. VII. С. 357.

сти. Научно некорректное и недружественное отношение к России со стороны определенных сил, а то и государств очень прозорливо подметил замечательный русский мыслитель, юрист И. А. Ильин еще на заре XX в. В ряде работ, в частности в статьях «О расчленителях России» и «Что сулит миру расчленение России», он писал, что уход России с мировой арены в результате ее распада позволит геополитическим конкурентам создать превосходные рынки сбыта и среди маленьких народов, столь отзывчивых на иностранную валюту и дипломатическую интригу. В этом особое место принадлежит Кавказу, раздробленному на 23 веч-

но враждующие между собой республики²⁵.

Вхождение в состав Российского государства фактически спасло народы Кавказа от физического истребления, позволило им сохранить свои национальные обычаи и культуру, кодифицировать имеющиеся у них правовые отношения в рамках единого государства. Они приобщались к качественно более высокому уровню социально-экономического и политико-правового развития, что имело благоприятное воздействие на их общественно-политическую жизнь.

²⁵ См.: Ильин И. А. Сочинения. М., 2004. С. 93.

Библиографический список

- Агишев Н. М., Бушен В. Д., Рейнке Н. М. Материалы по обозрению Горского и народного суда Кавказского края. СПб., 1912.
- Адаты кавказских горцев. Одесса, 1886.
- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1837. Т. VII.
- Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 5.
- Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2011.
- Бердяев Н. А. О назначении человека // Мир философии. Ч. 2. М., 1991.
- Всепопданнейший отчет Главнокомандующего Кавказскою армией по Военно-народному управлению за 1863—1869 гг. СПб., 1870.
- Гадиев С. Азау // Антология осетинской прозы. Орджоникидзе, 1984.
- Грабовский В. М. Государственное устройство и управление Российской империей // Записки Новороссийского университета. Одесса, 1911. Вып. IV.
- Зинковский С. Б. Межкультурное взаимодействие и структурные конфликты в праве // Актуальные проблемы современного международного права. М., 2009.
- Зорькин В. Д. Верховенство права и конституционное правосудие // Журнал российского права. 2005. № 12.
- Ильин И. А. Сочинения. М., 2004.
- Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. М., 1886.
- Марков Е. Л. Очерки истории Кавказа. СПб.; М., 1904.
- Отчет судебной палаты за 1870 год // ЦГА РСО — Алания. Ф. 12. Оп. 1Д. 427. Л. 107—108.
- Положение о сельских (аульных) обществах. Владикавказ, 1870.
- Туганов М. С. Заколдованный круг // Новая Русь. 1910. № 62.
- Туганов М. С. Осетины в войне и в тылу // Петроградские ведомости. 1916. № 72.
- Чеджемов С. Р. Кавказ для России: фронтир или союзник? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9.
- Чеджемов С. Р. Осетинские посольства и переговоры о вхождении Осетии в состав России в системе международного и внутригосударственного права // История государства и права. 2014. № 18.
- Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005.